

Читайте в серии:

1. Секрет времени и крови

Продолжение следует...

Джессика Террѐн

СЕКРЕТ ВРЕМЕНИ И КРОВИ

Москва
2025

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

T35

Jessica Therrien

Oppression, Children of the Gods, Book 1

Copyright © 2017 Jessica Therrien

All rights reserved.

Террьерен, Джессика.

T35 Секрет времени и крови / Джессика Террьерен ; [перевод с английского А. Куклей]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-182081-7

Элиза всю жизнь хранит два секрета. Во-первых, она стареет в пять раз медленнее, чем обычные люди. И хотя она выглядит на восемнадцать, ей около восьмидесяти. Во-вторых, её кровь обладает способностью исцелять. Однако девушка не считает себя какой-то особенной. Наоборот, тайны делают её жизнь чрезвычайно опасной.

После смерти родителей Элиза старалась скрывать свои необычные способности ещё более тщательно. Однако в первый же день в новом городе девушка встречает Уильяма. Её тянет к нему с непреодолимой силой. Они связаны меткой судьбы и намерены найти ответы на все вопросы друг о друге.

По всему миру есть такие, как Элиза и Уильям, потомки богов. И они давно ждут девушку. Одни верят, что она положит конец многовековым традициям, а другие полны решимости помешать этому. Но Элиза точно не желает играть по чужим правилам.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Куклей А., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство

«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-182081-7

ДЕТИ БОГОВ
Книга первая

*Моей матери и сестре
за то, что всю дорогу они были
моей командой поддержки.
И моему мужу — за то,
что он вдохновлял меня...*

Глава первая

***В**сё началось 12 декабря 1973 года. Я помню это, потому что в тот день мне исполнилось пятьдесят лет. Вдобавок, приближалось Рождество, так что следовало ожидать снегопад. В этой части Северной Калифорнии Рождество всегда было белым — Чилкут находился высоко в горах Сьерра-Невада.*

Маленькая прямоугольная зелёная вывеска была единственным доказательством того, что крошечный посёлок в самом деле существовал на свете. «Чилкут, Калифорния. Высота над уровнем моря: 5000 футов. Население: 58 человек».

Какой-нибудь рассеянный водитель легко мог проехать по двухмильному участку дороги, примыкавшей к посёлку, и даже не вспомнить, что он его видел.

Мы направлялись в город — ближайший к нашему дому. Он находился более чем в часе езды. Папа улыбался до ушей, выезжая на дорогу на

своём новеньком тёмно-зелёном «Кадиллаке Купе Девилль». Ему нравилась эта машина.

— Итак, Элиз, не забудь: дерево должно быть крепким, красивым и высоким, — сказал он.

— Я знаю, пап. Я за свою жизнь повидала уже достаточно ёлок, чтобы выбрать хорошую... Тем более, ты всё равно всегда выбираешь её сам, — пробормотала я себе под нос.

Мама улыбнулась. Кажется, она услышала мою последнюю фразу и мысленно согласилась, что я права.

Именно так мы традиционно отмечали мой день рождения последние двадцать лет. Предполагалось, что я сама выберу рождественскую ёлку, но не припомню, чтобы папа хоть раз одобрил мой выбор.

— А вон та тебе не нравится? — спрашивал он. — У твоей ствол малость тонковат внизу. Та намного лучше, верно?

— Верно, — покорно бормотала я.

— Видишь, Сара, она молодец. Может отличить хорошее дерево от негодного.

Моя мать никогда с ним не спорила. Папа был слишком большим перфекционистом, чтобы позволить кому-то другому заниматься подобными вещами. Одна из его забавных маленьких странностей, которые я не замечала в детстве.

Было два часа пополудни, но казалось, что уже близятся сумерки. Солнце пряталось в слоях белёсых облаков. В тот момент, когда всё произошло, я смотрела в заднее окно, вглядываясь в белую пелену и пытаясь оценить видимость, но не могла ничего разглядеть дальше забора, тянувшегося вдоль дороги.

— *Ричард, тормози!* — крикнула моя мать.

Эти слова спровоцировали аварию, словно она предвидела, что так и произойдёт. «Кадиллак» занесло на соседнюю полосу, и я почувствовала, что папа потерял управление. Вместо асфальта под колёсами оказался скользкий лёд. Машина заскользила, и я напряжилась, ожидая удара. Каждая секунда этого медленного движения казалась вечностью. Я понимала, что мне осталось жить всего несколько мгновений, и цеплялась за них, вбирая в себя последние образы, которые увидят мои глаза, и последние звуки, которые означают мой конец.

— *Элли!* — Испуганный голос матери прозвучал в пустой тишине салона с каким-то осознанием и неуверенностью. А в следующий миг мы врезались.

Со дня аварии прошло тридцать девять лет, и всё же фотографии всколыхнули воспоминания о тех последних секундах.

Я посмотрела на выцветшие фото, на тонкую бумагу, истёртую на краях. Я знала, что никогда этого не забуду.

Последние слова моих родителей... Переливчатые тёмно-красные пятна — как открытые раны на коже земли... Перевернутый покорёженный «кадиллак», лежащий на обочине...

Фотографии были старыми — слишком старыми, чтобы я могла на них оказаться. И всё-таки я там была.

Шелковистые каштановые волосы матери струились по плечам, и я радовалась, что до сих пор помню их насыщенный шоколадный цвет, потому что

чёрно-белые фотографии, конечно же, не могли передать его в полной мере. Так же, как не могли они показать миру её золотисто-карие глаза и румяные щёки. Моя мама была красавицей.

Мой отец, сидевший слева от неё, сосредоточенно смотрел в объектив, нахмутив брови и сжав губы. Его загорелая кожа красиво контрастировала с короткими светлыми волосами, которые он носил на прямой прическе и зачёсывал набок.

Я сидела у его ног. Мы позировали, расположившись под деревом, и напоминали семейство из сборника сказок. Это фото сделали в праздник Рождества Христова 1939 года. На нём я выглядела трёхлетней, но на самом деле была гораздо старше.

Я родилась в 1923 году, с редкой генетической аномалией. Так же, как мои родители, я старела в пять раз медленнее обычных людей. Я прожила на свете восемьдесят девять лет. В глазах всего остального мира я выглядела восемнадцатилетней и, по большей части, чувствовала себя молодой.

Я перебралась в Сан-Франциско. Мне казалось, что здесь гораздо легче спрятаться, чем в маленьких городках, куда я переезжала примерно каждые пять лет после смерти мамы и папы. В большом городе я была просто ещё одним человеком, ещё одной фигурой в толпе. Невидимкой.

— Мы многим пожертвовали, чтобы жить так, как живём, Элли. Всё это ради твоей безопасности, — частенько говорил отец. — Наши тела сильны и долговечны, но это не только благословение. Это проклятие. Наша тайна дорогого стоит, и никто не знает, что произойдёт, если секрет раскроется. Мы не сможем жить нормальной жизнью, если нас разоблачат.

Вот и всё, что я знала о себе и о том, почему я так непохожа на остальных. Почему мне приходится жить, скрываясь.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мне многое хотелось выяснить. Столько вопросов осталось без ответов! Где мои бабушки и дедушки? Как я буду жить дальше? Неужели мне суждено остаться одинокой? Каким образом мои родители нашли друг друга? И есть ли ещё люди, подобные нам?

Отец никогда не вдавался в подробности. Он избегал таких вопросов, отвлекал меня чем-то, переводил разговор на другую тему.

— Со временем ты научишься жить незаметно, как делали мы. А сейчас — почему бы нам не завести щенка?

Они купили мне бордер-колли. Она была чёрной с белыми пятнами и белыми лапами. Я назвала её Зайкой и любила так, как не любила никогда и никого. Она повсюду ходила за мной, и в мире, где я не могла завести друзей, Зайка стала моей лучшей подругой. Привязанность, возникшая между нами, казалась неразрушимой, но природа жестока. Зайка умерла, когда мне было девять.

В тот день я отчётливо поняла, почему родители не хотели, чтобы я заводила друзей. Люди, которых я люблю, состарятся и умрут, покинув меня...

Зазвонил телефон — громко и неожиданно, заставив очнуться от воспоминаний и вернуться в реальный мир.

Я сунула фотографии в маленькую золотую шкапу, где их хранила, и споткнулась о нераспакованные коробки, пытаясь добраться до телефона. Я переехала сюда всего лишь пару недель назад, и в пустой гостиной без мебели царил беспорядок.

После третьего гудка я взяла трубку, всё ещё погружённая в собственные мысли.

— Алло? — сказала я, понимая, кто звонит. Только один человек знал мой номер.

— Элли?

— Привет! — обрадованно ответила я. — Знаю, я долго не звонила. Прости.

Я мельком увидела своё отражение в зеркале в прихожей. Я по-прежнему была юной: тёмно-каштановые волосы, собранные в «конский хвост», румяные щёки, лицо без единой морщинки...

Я чувствовала себя виноватой, слыша голос Анны — уже не такой молодой, как прежде. Она превратилась в сорокавосемилетнюю женщину, а я почти не изменилась.

— Ты переехала? — возбуждённо спросила она.

Я оглянулась, посмотрев на заваленный хламом пол.

— Почти.

— Как ты?

— Нормально, — соврала я.

Анна слишком хорошо меня знала.

— Не хочешь зайти ко мне?

— Не уверена. Наверное, нет. Понимаю, прошло много времени, но...

— Мне жаль, — сказала она. — Какие можно подобрать слова, когда умирает твоя вторая мать?

— Я до сих пор просыпаюсь и прислушиваюсь, надеясь услышать её шаги. Думаю: может, мне всё это только приснилось?..

— Она прожила долгую счастливую жизнь, Элиз. Восемьдесят девять лет — это больше, чем отведено многим из нас.

— Ты знаешь, сколько лет мне, правда же?

— Да.

Я почувствовала, как у меня стиснуло горло и к глазам подступили слёзы. Это невозможно было остановить. Неужели я недостаточно плакала?

— Ладно, ты сама-то как? — спросила я, возвращаясь к разговору. Мне не хотелось думать про возраст Бетси. — И как там Хлоя?

— Я в порядке, — сказала она. Я услышала в её голосе отзвуки боли, страха и тревоги. — Хлоя скупает. Она переживает за тебя. Мы обе переживаем.

Её слова повисли в воздухе. Говорить об этом было слишком сложно.

— Я... э... перезвоню тебе позже, Анна.

Мне хотелось убраться отсюда. Что толку сидеть и переживать? Я бы лучше сходила за продуктами. Мне нужна была еда. И ведра мороженого, чтобы вернуть себе нормальный вес.

Бетси всегда ужасно злилась.

— У тебя одна кожа да кости, — говорила она. — Это вредно для здоровья, Элиз.

Я представила, как у неё на лбу возникают морщинки, а губы неодобрительно сжимаются. Я скупала по этому взгляду. За ним было столько любви, столько материнской заботы!

Весь день я старалась не думать о Бетси. Я смотрела кино, распаковывала и разбирала вещи, читала, разгадывала кроссворды. И вот теперь я снова вспоминаю...

Казалось: всё, что нужно было сделать, — это вспомнить. Я поддалась этому порыву и перестала сопротивляться. Воспоминания обрушились на меня тяжёлой каменной грудой — лавина страданий, погребаящая меня в глубинах моего собственного разума.

Дневной свет проник сквозь открытые жалюзи спальни, разбудив меня раньше, чем сработал будильник. Я со вздохом взглянула на часы у кровати: 7.22 утра.

Мысли и воспоминания о жизни с Бетси преследовали меня всю ночь, вплетаясь в мои сны и растворяясь в них. Полагаю, этого следовало ожидать. Бетси обеспечила меня всем — новым номером социального страхования, водительскими правами, жильём. Она подготовила меня к началу новой жизни и, в некотором смысле, подготовила к своей смерти. Я задолжала ей эти воспоминания.

Сегодня нужно подыскать какую-нибудь работу, чтобы занять себя. Не то чтобы мне не хватало денег — мои родители и Бетси немало для меня отложили. Но я хотела покончить с горем. Казалось: что бы я ни делала — мне не избавиться от чувства вины за свою слишком длинную жизнь.

Я знала, что в конце концов научусь выключать эмоции. Придётся научиться. Наблюдение за смертью словно бы стало частью моего существования. Но покамест эмоций было предостаточно, и я не могла с ними справиться. Я прожила здесь уже пару недель, но до сих пор не привыкла к новому месту и не чувствовала, что это — мой дом.

Я жила в одной из трёх квартир, расположенных над кафе в Лоуэр-Хейте, на углу улиц Уоллер и Штайнер. Это было здание в классическом стиле, с винтажным фасадом. Все двери квартир выходили прямо на улицу. От каждой двери узкая лестница вела на второй этаж. Из прихожей можно было попасть в кухню с бело-голубым линолеумом на полу и кленовой мебелью. Кухня плавно превращалась в гостиную — менялось только напольное

покрытие. Вместо линолеума возникал плотный серо-голубой ковёр. По правую руку от гостиной располагался крохотный коридорчик, ведущий в ванную слева и маленькую спальню справа.

Моя одежда ещё лежала в чемоданах, с которыми я приехала. Я не слишком заморачивалась гардеробом, так что это мне не мешало. Я просто брала то, что лежало сверху, — обычно это были джинсы и какая-нибудь старая бейсбольная рубашка. Я не пыталась никого впечатлить — скорее уж наоборот, так что не имело большого значения, в чём я выйду за дверь.

Я нечасто пользовалась общественным транспортом, но в Области залива, неподалёку от меня, находилась станция метро — удобство, к которому я постепенно привыкала.

Сегодня утром я не собиралась заходить в кафе внизу, но мне очень хотелось пройти мимо него. На то была причина — очень глупая, и я, наверное, никому и никогда бы в этом не призналась. Время от времени на улицу выходил один из работников кофейни. Я не знала его имени, но он, казалось, специально задерживался снаружи — убирал посуду со столиков или просто отдыхал. Мы ни разу не общались — по крайней мере, вслух. Большую часть времени разговаривали наши глаза. Мимолётная улыбка тоже была достаточно красноречива. Невинная беседа, безопасная, но в то же время волнующая...

Спускаясь по лестнице, я надеялась, что он будет там, — хотя знала, что это банально и глупо.

В последний раз, когда я его видела, он стоял, ковыряя бетон носком ботинка, и кого-то ждал. Его руки были скрещены на груди, голова опущена, во-